

Секрет идеальной походки

Люди и куклы Резо Габриадзе

«Что остается от сказки потом – после того, как ее рассказали?»

(Владимир Высоцкий, «Песня Кэрролла»)

Если следовать принципу историзма, то от сказок мало что остается. Разве что чьи-то воспоминания, что в прошлом веке, с 1981 года в Тбилиси существовал Театр марионеток Резо Габриадзе. Его любили в Москве и Ленинграде. Он закончился примерно тогда же, когда рухнула империя. Прошло много лет (не для империи – для человеческой жизни). Огромной страны как ни бывало – но этот театр ожил на страницах книги Марины Дмитриевской, бессменного главного редактора «Петербургского театрального журнала».

«Театр Резо Габриадзе. История Тбилисских марионеток и беседы с Резо Габриадзе о куклах, жизни и любви». В этой книжке не только благодарно, азартно и талантливо восстановлена десятилетняя история уникального театра, в котором птичка Боря Гадай, собранная из двух шариков и горбатого носа, пела о человечности и утраченном романтизме не хуже великих оперных певцов мира. В ней также напечатаны многолетние беседы автора с Габриадзе, которые канули бы в вечность, если бы не были записаны на магнитофонную пленку. Все вместе, да еще украшенное восхитительно-легкомысленными – черной тушью по белому листу – рисунками Габриадзе – пушкинско-птичьими профилями, нелепыми человечками, зонтиками, влюбленными муравьями, розами в склянках, нотами, расположенными на тонких дрожжащих линейках, словно ласточки на проводах, – создает счастливое, играющее, восхищенное, рыдающее, чирикающее, поющее на все голоса существо этой книги.

М.Дмитревская постоянно пишет о некой художественной сюжетности жизни своего героя, прямого – прямее не бывает! – «правнука Родена», сочинителя восхитительно печальных и смешных историй, воплотившихся в кино, живописи, скульптуре, мелкой пластике, спектаклях. Эта сюжетность, магическая кривая, которая вела и ведет по жизни знаменитого на весь мир «певчего дрозда», осознана и прочерчена в книге, словно тайная мелодия. Но и в появлении этой книги тоже не обошлось без магии и сюжетности. Она много лет пролежала в набросках, черновиках, магнитофонных пленках (которые, как оказалось, не горят, как и некоторые рукописи), в памяти (человеческой и искусствоведческой вперемешку). Беседы Марины Дмитриевской с Резо Габриадзе несколько лет подряд и тоже уже в прошлом веке публиковались на страницах «ПТЖ». Но, как пишет автор, уже выросло поколение, не плененное Тбилисскими марионетками, слыхом не слышавшее про знаменитый кукольный театр. Поколение, для которого Грузия – за граница и чужая земля.

Но если быть не только исторически, но также и социологически точным, то последнее советское поколение не так уж поговолно помнит этот театр. Это была штучная работа. И собирала она не кинозалы и стадионы, а крошечные – перед лицом империй и народов – театральные аудитории. Зато советский народ безошибочно и навеки помнит другое. «Ларису Ивановну хоч!» – повторяла вся страна вслед за героем «Мимино», подделывая кто во что горазд грузинский акцент. Между прочим, гениальная фраза, ничуть не хуже других – «Я помню чудное мгновение» или «Я встретил вас...» или «Свеча горела на столе...» В ней – космическая тоска с комическим акцентом по великой любви и бессмертным подвигам души...

Примерно про то же написана и эта книга. Сейчас у этой любви, у кукольных, и не только, историй появился шанс быть прочитанными и расслышанными, и – кто знает? – сколько людей влюбятся в эти замечательные истории сегодня?

Конечно, с точки зрения гламурных изданий эта книжка – бедная родственница, смех и слезы интеллигенции, тайный плод любви несчастной, подкидыш... Полиграфически она вызывающе, до неприличия не-



современна. Любой гламур заткнет ее за пояс и высокомерно посмеется над ней. Но подкидыш этот небезроден, за плечами кукольных и не только историй Габриадзе – мировая культура, ее персонажи и голоса – вплоть до Греции, да еще и Древней. Если напрямик через Колхиду, не задерживаясь на таможенном контроле... То есть если следовать принципу подлинного, а не мнимого историзма.

Но упакованно-наглому гламуру и не снились подобные истории, их тайная музыка, их чудные мгновения, которые содержатся в этой книге. В принципе, этим куклам цветная печать наверняка бы и навредила. И хорошо, что они смотрят на нас с черно-белых фотографий. Черно-белое к лицу куклам Габриадзе, о которых автор книги пишет: «Что это были за куклы? Бледные, с асимметричными чертами, невероятно хрупкие, шаткие, не касающиеся земли нетвердыми ножками, они были лунатиками, сошедшими на территорию страны, где победно выступали толстощекие, носатые, мордатые куклы Театра Образцова, ленинградского БТК... Марионетки были почти инопланетянами...» В гламурном шоколаде это были бы уже не они, а какие-то другие существа.

Автор иногда вступает в спор со своим персонажем. Но на самом деле противоречий у них нет. Что с того, что в последнее время Габриадзе рифмуется в каком-то интервью марионетку с табуреткой? Марина Дмитриевская возражает: нет, не табуретка, а священная кукла. Но кто бы сомневался, что он и сам так считает. И делает ее таковой, но просто не развешивает свое сердце на заборе массовых изданий и не рассказывает сладких историй журналистам. Не его жанр. Но именно он всех нас много лет учил, что смешные, трогательно-бесплотные марионетки священны. И хоть и не умеют плакать, зато могут так шевельнуть плечом, что мы сами расплачемся.

Или М.Дмитревская пытается одну из глав написать как научную. (Ритм, пространство и время в театре Резо Габриадзе.) Нескучно, замечательно, это у нее получается. При этом острота ума находится в замечательном ладу с художественным азартом. Сам Габриадзе в этой главе отрицает принцип историзма, шутит, что «выражениями типа в 60-х... в 70-х... грешат люди довольно ничтожные». Дмитриевская, как театральный историк, честно отстаивает научную точность. Но... напоследок не выдерживает: «Напишу послесловие так, как будто не существует времени. А театр Р.Габриадзе пребывает вечно».

Но мне-то, грешным делом, кажется, что вся книга написана так, что времени не существует. По большому – художественному – счету.

Эта книга сделана по принципу детской игры «секрет». Когда-то была вырыта «ямка», туда нанесли: бабочек, птичьих перышек, перламутровых ракушек, лепестки цветов, запах персика и дуновение одеколлона, голоса великих актеров и забытые голоса детства, киношный крик Тарзана и заезженную пластинку, старые письма, семена цветов, тепло Кутаиси и Тифлиса, морозную московскую юность, чужие берега – по том придавили цветным стеклышком, запоросили землей... Прошла жизнь. Настала другая. «Секрет» раскопали, набрали на компьютере текст, издали, чтобы мы ахнули: ка-



Р.Габриадзе

кое диво! Ну какой тут, спрашивается, к черту, историзм?

Времени нет, есть, как в театре Габриадзе, – «вечно» и «сию минуту». Хорошо, что эта логика побеждает и в то же время не делает куклу менее искусствоведческой. Это делает ее гораздо более искусствоведческой на самом-то деле.

При этом – книгой для людей. Которую хорошо читать при высокой температуре (одна из глав так и названа: «Высокая температура детства»). Чтобы совпадать по градусу. Конечно, там есть родимые пятна истории. К примеру, на вопрос, почему он занялся марионетками, Габриадзе отвечает: «А кто мне, беспартийному, дал бы большой театр?» Сегодняшнему племени придется долго объяснять про связь беспартийности с большим театром... Но ведь видно, как Габриадзе всех дурачит. На самом-то деле каждому понятно, если читать книгу внимательно да еще при высокой температуре, почему марионетки стали частью его жизни. «В их походке есть тайная формула нашей походки. Которой мы не владеем. Если бы мы идеально ходили, то должны были бы время от времени подпрыгивать на три метра, задирая ноги выше головы. На улицах люди прыгали бы через деревья...» То есть все дело – в секрете идеальной походки. Которая его как художника и сочинителя не могла не заинтриговать.

А Марина Дмитриевская, как театральный критик, эту походку с подпрыгиванием на секретные три метра не могла не зафиксировать... Она не присваивает себе права быть единовластительницей этого кукольного мира. В книге звучат голоса людей, которые тоже этим были очарованы, – Е.Калмановского, И.Уваровой, Э.Кузнецова, А.Битова, И.Соловьевой, Г.Канчели... Все они – соучастники детской игры в «секрет». Разумеется, со своими, как подобает солидным людям, искусствоведческими комментариями.

Как хорошо, что сегодня вновь ожили все эти болванчики с головками из липы, Альфреды и Виолетты, дочери императоров, птицы, бабочки, муравьишки, лошади... Кукольное «второе пришествие». Пасхальное воскресенье.

Само собой напрашивается тривиальное заключение насчет победы

искусства над временем. Энтропией. Смертью. Но так примерно оно и выходит. Если прочитать эту книгу. Которую закрываешь с ощущением счастья, беспримесным и абсолютным.

«Они не испаряются, они не растворяются, рассказанные сказки, промелькнувшие во сне...»

Теперь в Тбилиси существует Театр-студия Резо Габриадзе. И там тоже играют разные истории. Но это, видимо, уже слегка другие истории?..

Ольга СКОРОЧКИНА За что сидела вторая половина Кутаиси

Резо Габриадзе родился в городе Кутаиси, и этот город с его нравами, атмосферой, колоритными типажками не раз прорастал в его творчестве. Спектакль Габриадзе «Осень нашей весны», самый щемящий и пронзительный, основан на реалиях послевоенного Кутаиси и фантазиях автора. «Грузинский «Амаркорд» – так назвали его критики. Главный герой Боря Гадай – не человек, а птичка, но совершает абсолютно человеческие поступки. Однажды он крадет в банке 25 рублей, чтобы помочь бедной вдове. Борю сажают в тюрьму.

– Резо, одна половина Кутаиси, как следует из рассказа «Терк», сидела из-за машинок «Зингер». А что делала вторая половина?

– Вторая половина тоже сидела. Когда первая выходила – садилась вторая. Одна садилась – другая выходила... Нет, не так, чтобы чередовались равные половины, это шло каждодневно: этот пришел, тот ушел, этот вернулся, того взяли... Весело жили.

– А за что сидела вторая половина? У них же не было машинок «Зингер»?

– Это очень трудный вопрос... Потому что я вам нарисую буденовку. Интересная шапка. Она занимает отдельное место в истории головных уборов. Конечно, головной убор абсолютной красоты – бедунская чалма, белая с черным. Сомбреро прекрасно, котелок, прекрасная шапка де Голля, замечательны папачи, но не все... – А треуголка Наполеона?

– И Наполеона, и испанских полицейских... Но вот буденовка – неизменная, никем не познанная... Я

тридцать лет отдал ее изучению, у меня есть какие-то мысли, которые я потом нарисую, приложив к ним расчеты...

Вторая половина Кутаиси сидела как раз из-за буденовки, вернее, из-за той ее верхней части, которая заканчивается наверху такой тонкой шишечкой.

Что такое мой город? Мой город окружен, пленен виноградниками. Они проникли во все дворы, они под каждым окном, они жужжат пчелами, будущими тостами, весельем, улыбками – тем, что дает цивилизованной стране этот декадент – виноград...

– Почему декадент?

– Без палки стоять не может, все время дает модернистскую линию... В такой виноградной стране люди, конечно, любили вино, и пить любили, и духаны любили, и отношения, проходящие через розовое вино, – это одни отношения, через красное – совершенно другие... Это высочайшая культура отношений. Предпоследняя ступенька, которую мы достигаем в культуре, уже омыта вином, а последняя просто залита им, когда вы достигаете этой последней ступеньки – вы слышите запах вина...

– А давайте подробнее: вот какие отношения – через розовое вино? А какие – через красное?

– Это очень правильный вопрос и гораздо более серьезный, чем вы думаете, и в следующий раз мы его непременно коснемся, но сейчас вернемся к буденовке...

Были духаны, пропитанные пятым, десятым поколением вина. Пол там не настлался. А если и настлался, то он тоже был пропитан вином и пах. Но обычно полом служила веками хорошо утоптанная земля. И если бы запустить в землю шуруп – он бы прошел десятки метров винных слоев, залзах – до самой середины Земли...

В духанах сидели люди, которые не знали, что есть Маркс, Энгельс, IV съезд РСДРП. Его они просто проморгали в этих духанах. И когда однажды выглянули из них – вдруг увидели эту самую буденовку.

Есть у нас одна очень красивая мелодия, я вам обязательно ее пришлю. На нее ложатся абсолютно все слова, какие человек может придумать. Вот дайте мне журнал, любой текст я слою на эту уникальную мелодию. Ничего подобного я не знаю, она требует особого изучения. И вот только кто-то из завсегдадаев духанов увидел буденовку, он тут же сочинил на эту мелодию слова, которые, конечно, не имеют значения в мировой поэзии и даже трудно переводятся, но я попробую приблизительно передать их смысл: «О, что случилось, о, что случилось, у большевиков на голове выросла пиписька». Уже большевики давно вошли, товарищ Орджоникидзе действует, писатель Серафимович написал замечательный роман «Железный поток», который вечно будет украшать подобную литературу, и все хорошо, а кутаисцы сидят в духанах и не понимают, насколько это серьезно. И однажды из одного духана раздалась песня: «О, что случилось, о, что случилось, у большевиков на голове выросла пиписька...» Обычно в такое состояние человек приходил после третьего стакана.

Ну, конечно, тут же появились пионеры НКВД или ЧК и забрали этого человека. Ну забрали и забрали, а песня-то осталась! Она прошла по всем улочкам, перекадилась по всем духанам. И вот на другой день (или на пятый, или на десятый) после третьего стакана кто-то опять затянул: «О, что случилось, о, что случилось...» Опять забрали. Вот так, понимаете, виноград, этот декадент, винная культура встретилась с марксизмом, ленинизмом, чекизмом, со всемирной революцией. И многочисленными жертвами пали эти пьяные, милые, пахнущие легким розовым имеретинским вином люди, всегда пропадающие из-за глупости: «О, что случилось, о, что случилось, у большевиков на голове...» Они и были второй половиной моего города – Кутаиси.

Фото Андрея СТЕПАНОВА